

Линь Циньхэ наблюдала за этим человеком. Она заметила в его глазах какое-то беспокойство, отчего слегка вздрогнула. Оказалось, что он был не так бесстрашен, как показывал.

В глубине души он действительно волновался. Просто он не знал, как выразить эти эмоции, поэтому, казалось, ему было все равно.

Чжоу Цинбай тоже осмотрел ее. Он увидел смятение в ее глазах, недоверие и намек на нескрываемую потерю. Ни следа на разочарование или отчаяние.

Это ошеломило его.

Еще больше его потрясло то, что Линь Циньхэ сказала дальше:

— Тогда не уходи. В доме нужен мужчина, иначе я не смогу спокойно спать по ночам, — произнесла она и опустила плечи, словно приняв свою судьбу.

Это предложение успешно привлекло внимание Чжоу Цинбая. Он вспомнил, как вчера вечером, вернувшись домой, постучал в дверь, и она произнесла те резкие слова.

— Кто-то осмеливается беспокоить вас ночью? — спросил Чжоу Цинбай глубоким голосом.

Линь Циньхэ выглядела так, словно у нее не было причин. Она бессильно ответила:

— Нет. Просто однажды я почувствовала, как кто-то перепрыгнул через стену снаружи. В то время я еще не спала, поэтому сразу закричала. Ты же знаешь, что у нас повсюду соседи, так что воры сбежали. Реальных потерь не было.

Лицо Чжоу Цинбая помрачнело:

— Это моя вина.

Если бы что-то действительно произошло, он не мог даже представить себе последствия.

Линь Циньхэ встретила его слова с бесстрастным лицом:

— С этого вечера ты будешь спать на печи-кровати по соседству.

Она восхищалась своим умом. Случайно ли она нашла такой замечательный предлог, чтобы спать отдельно?

Чжоу Цинбай бросил на нее странный взгляд. Такое большое дело, но она больше ничего не сказала? Она не ругала его и не заставляла вернуться?

— На что ты смотришь? — Линь Циньхэ свирепо посмотрела на него.

Чжоу Цинбай мысленно воскликнул: «Это правильная реакция!»

— Говорю тебе, даже если ты уйдешь на пенсию, я не выйду на работу. Выйдя за тебя замуж, я не собираюсь работать в поле! — заявила Линь Циньхэ.

— Достаточно только мне работать, — кивнул Чжоу Цинбай. Он никогда не собирался позволять ей работать в поле. Это было бы слишком утомительно. Одного его было бы достаточно.

— А еще домашние дела. Ты также должен сделать свою долю! — продолжила Линь Циньхэ.

— Хорошо, — согласился Чжоу Цинбай.

— Выплата за отставку, сколько там? Это тоже будет под моим контролем! — сказала Линь Циньхэ.

Чжоу Цинбай достал сверток, который принес вчера вечером. Открыв его, он достал два комплекта одежды и термос.

При виде термоса у Линь Циньхэ загорелись глаза. Дома был только один. Его было недостаточно. Теперь, с дополнительным термосом, проблема была решена.

Еще был рюкзак, обувь и тому подобное.

Рюкзак оттопыривался. Чжоу Цинбай передал его прямо ей:

— Все здесь.

Линь Циньхэ на самом деле была немного смущена, но она все равно взяла его. Позже она была ошеломлена:

— Так много денег? Сколько там?

— Три тысячи, — Чжоу Цинбай бросил на нее быстрый взгляд.

— А почему так много? — Линь Циньхэ была шокирована.

В ее кармане оставалось почти двести юаней, и это тоже была огромная сумма. Она никак не ожидала, что на этот раз Чжоу Цинбай привезет три тысячи юаней. Что это значит?

— Я внес огромный вклад. Мой начальник выбил этот оклад для меня, — пояснил Чжоу Цинбай. Это можно было рассматривать как компенсацию и утешение для него.

— Здесь так много талонов! — удивленно воскликнула Линь Циньхэ.

Промышленные талоны, продовольственные талоны и талоны на одежду — все было здесь. К тому же это были талоны национального уровня, у которых не было срока действия!

Чжоу Цинбай заметил, что все ее внимание было сосредоточено на этих вещах, и ему стало интересно, прошел ли он это препятствие?

— Прошное происшествие меня напугало. Хорошо, что теперь ты дома. Тем не менее, я должна сначала объяснить тебе все ясно. Я не буду делать работу вне дома. Слишком утомительно, а больше всего я ненавижу фермерство. Дома я позабочусь о еде и троих детях для тебя, так что можешь не беспокоиться. Но теперь ты будешь спать в детской. Дома достаточно дров, так что экономить не нужно. На заднем дворе много чего припасено, — Линь Циньхэ пристально посмотрела на него.

Чжоу Цинбай знал, что в доме достаточно дров, и много их было сложено в сарае для дров и в углу двора. Когда он спросил Дава, то узнал, что она попросила Чжоу Дуна собрать их на зиму.

То, что давило на его сознание, как тяжелый камень на пути домой, исчезло вот так? Выслушав ее намерения, можно было считать, что серьезный разговор окончен, верно?

Чжоу Цинбай не мог не посмотреть на Линь Циньхэ.

Линь Циньхэ была в очень хорошем настроении, что бы он ни думал. Она взяла в руки весь рюкзак, а затем заметила:

— Ты рассказал об этом своей матери?

— Пока нет, — Чжоу Цинбай все еще наблюдал за ней.

— Тогда иди и скажи это сам. Я все равно не смогу сказать такой позорной вещи, — сказала Линь Циньхэ и помахала ему рукой.

Чжоу Цинбай взглянул на нее и ответил:

— Да.

Поскольку она не взорвалась, он испытал настоящее облегчение.

Он больше не раздумывал и просто объяснил ее перемены тем, что она испугалась вора.

Что касается ее просьбы лечь спать в соседней комнате, это ни о чем не говорило, потому что каждый раз, когда он возвращался домой в прошлом, она не могла дожидаться, когда он быстро уйдет.

Теперь, когда он не уходил, а оставался дома, она определенно не позволит ему оставаться в одной комнате с ним.

В этом не было ничего особенного. Пока она не вызывала шума, Чжоу Цинбая мог расслабиться.

Он сказал ей:

— Я иду к отцу и матери.

Было не трудно рассказать об этом отцу и матери, потому что самой большой проблемой была его жена. И вот теперь самая большая проблема была решена.

— Тогда иди, — кивнула Линь Циньхэ.

Чжоу Цинбай пришел в дом старого Чжоу.

Отец Чжоу и мать Чжоу не успели обрадоваться возвращению своего младшего сына, как были шокированы новостью, объявленной их младшим сыном.

— Что? Ты в отставке? Больше не вернешься? — замер отец Чжоу.

— Что случилось? Почему так внезапно, зачем уходить на пенсию? — матушка Чжоу встревожилась еще больше.

— Я достиг этого возраста и вышел на пенсию, — Чжоу Цинбай все еще был краток в своем ответе.

Старший брат Чжоу, второй брат Чжоу и третий брат Чжоу были сбиты с толку.

— Как ты можешь достичь возраста выхода на пенсию? Тебе всего двадцать семь! Твое будущее безгранично! — третий брат Чжоу отреагировал первым.

Старший брат Чжоу и второй брат Чжоу также спросили его о причине.

Но Чжоу Цинбай ничего не сказал. Ни единого лишнего слова объяснения.

— Если ты ушел на пенсию, значит, ушел, — произнес отец Чжоу после долгого молчания. — Ты уже взрослый человек, тебе просто нужно много работать. Дава и его братья скоро вырастут. Они смогут работать, когда придет время. Нет никаких забот о еде и питье.

Три брата Чжоу посмотрели друг на друга.

— Четвертый, ты пойдешь с мамой, — приказала матушка Чжоу.

Чжоу Цинбай ничего не сказал и последовал за печальной матерью Чжоу в комнату.

— Сын, скажи своей матери, что именно происходит? Мама не верит, что ты достиг пенсионного возраста, — мать Чжоу уставилась на своего младшего сына.

Чжоу Цинбай знал, что обычные отговорки ее не обманут, поэтому он показал ей рану на груди. Хотя рана зажила, на груди все еще оставался большой шрам.

Он был почти у самого сердца. Сердцебиение матушки Чжоу пропустило удар при виде его. Она поняла все и без слов сына.